

УДК 101.1

Дмитрий Иванович Наумов*канд. социол. наук, доц., ученый секретарь Белорусской государственной академии связи***Dmitry Naumov***Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Scientific Secretary of the Belarusian State Academy of Communications**e-mail: cedrus2014@mail.ru***«WOKE IDEOLOGY» КАК УГРОЗА КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

В рамках социально-философского исследования рассматриваются феномены «woke ideology» и «культуры отмены», оценивается влияние современной западной философской мысли на формирование идей «woke ideology», в контексте процессно-реляционной методологии выявляется и оценивается их деструктивное влияние на коллективную память современного социума.

Ключевые слова: «woke ideology», «культура отмены», коллективная память, социально-философский анализ.

«Woke Ideology» as a Threat to Collective Memory: a Socio-Philosophical Analysis

The article considers the phenomena of «woke ideology» and «cancel culture» within the framework of the socio-philosophical research, evaluates the influence of modern Western philosophical thought on the formation of the ideas of «woke ideology», reveals and evaluates their destructive impact on the collective memory of modern society in the context of the process-relational methodology.

Key words: «woke ideology», «cancel culture», collective memory, socio-philosophical analysis.

Введение

В настоящее время для современных белорусских реалий проблематика междисциплинарного исследования «woke ideology» является если не экстравагантной, то нетривиальной и слабо связанной с актуальными проблемами и тенденциями общественного развития. Ведь совокупность социальных практик, социокультурных и общественно-политических процессов, которые характеризует конструкт «woke ideology», является продуктом развития стран «первого мира». Социальной базой данного феномена является современное высокоурбанизованное, мультикультурное и экономически развитое общество, в котором он выполняет определенные функции, порождая при этом скрытые или явные социальные дисфункции.

Однако вполне вероятно, что в условиях интенсификации процессов глобализации «woke ideology» станет для современного белорусского общества модным культурным или политическим брендом, некритично воспринимаемым определенной его частью. Для политического, экономического и социокультурного развития страны это может стать определенной проблемой, т. к. объективно будет актуализирован как его

позитивный, так и деструктивный потенциал. Поэтому необходимо сформировать комплексную картину развития и функционирования «woke ideology» в современном обществе, выявить и охарактеризовать влияние этого феномена на социальные процессы. Таким образом, целью данной статьи является определение и характеристика возможного деструктивного потенциала «woke ideology» и родственных социальных феноменов для коллективной памяти социума, рассматриваемой в качестве одного из значимых нормативных регуляторов социальных процессов. Это определяет актуальность изучения заявленного проблемного поля, реализованного в рамках социально-философского исследования.

Проблематизация «woke ideology» в контексте влияния на коллективную память сообщества требует экспликации теоретико-методологических оснований исследования, что актуализирует обращение к теоретическим идеям современного американского исследователя Джеффри Олика по поводу коллективной памяти. Для него коллективная память имплицитно выступает как разнородный и слабо структурируемый социокультурный феномен, состоящий из пред-

ставлений об историческом прошлом политически организованного сообщества, межпоколенческая трансляция которых обеспечивается посредством устной и неформальной передачи информации. Коллективная память формируется посредством взаимодействия индивидуальных воспоминаний о пережитых событиях, эмоционально значимых для человека, с официальными историческими нарративами и групповыми стереотипами. В совокупности они образуют профанное смысловое пространство, необходимое для формирования коллективной идентичности и поддержания непрерывности историко-культурного развития народа.

Джеффри Олик рассматривает коллективную память как совокупность «индивидуальных воспоминаний, официальных коммемораций, коллективных представлений и отдельных свойств, определяющих коллективную идентичность» [1, с. 27]. В современном обществе функционально она репрезентирует успешный опыт социальной адаптации как отдельных сообществ, так и социума в целом, обеспечивает социокультурную легитимацию политических институтов, обуславливает параметры развития национальной политической культуры, а также влияет на формирование и актуализацию общественного мнения.

Дискурсивная и процессуальная природа коллективной памяти обуславливает оптику исследования данного феномена, в фокусе которого «должно быть понимание фигураций памяти, т. е. меняющихся отношений между прошлым и настоящим, в которых сплетаются, хоть и не всегда гармонично, образы, контексты, традиции и интересы» [2, с. 46]. Следует отметить, что формирование и аккумуляция коллективных воспоминаний осуществляется в определенном историческом контексте, который предоставляет смысловую и ценностную основу процессам конструирования коллективных культурных интерпретаций, «нарративам и образам прошлого, говорящим во имя коллективности» [1, с. 41]. Он представляет собой совокупность событий и процессов различной природы и характера, которые между собой существенно различаются по критериям их ординарности, нормативности и функциональности. Такая исследовательская фокусировка позволяет вы-

явить и оценить как зоны напряженности при формировании коллективной памяти, так и вызывающие их факторы и социокультурные механизмы.

Основная часть

В современном медиа дискурсе термин «woke ideology» (от англ. woke – проснулся) используется для обозначения сторонников разнородного и слабо структурированного общественного движения за восстановление справедливости в отношении ранее угнетаемых сообществ (расовых, этнических, гендерных, субкультурных и т. д.), фактически паразитирующего на антидискриминационной тематике под прикрытием политкорректности. Как пишет Майкл Линд, возникшее в американском обществе в межвоенный период как побочный продукт формирования афроамериканского политического самосознания, в дальнейшем оно было культурно апроприировано американским демократическим истеблишментом для формирования внутривнутриполитической повестки и благодаря медиатизации современной политики вышло на глобальный уровень [3]. Как представляется, в настоящее время в большей степени это движение в развитых странах мира представлено в медиасфере и интернет-коммуникациях, чем в реальной социальной жизни. Восстановление или достижение оптимального уровня социальной справедливости сторонниками «woke ideology» рассматривается в контексте ликвидации механизмов структурного насилия по отношению к угнетаемым группам в современном обществе. Однако в качестве основных средств для этого рассматриваются осуществление компенсационных выплат их представителям и установление по отношению к ним режима позитивной дискриминации. На практике это означает, что представители якобы дискриминируемых сообществ фактически выводятся из-под действия механизма конкуренции при приеме на работу или поступлении в университет посредством введения при сомнительных правовых основаниях определенных льгот, привилегий, квот и т. д.

В историко-философском аспекте можно говорить о связи «woke ideology» с рядом идей, возникших в интеллектуальном пространстве современной западной фило-

софской мысли. В несколько гипертрофированном виде данная проблематика рассматривается в работе современных американских исследователей Хелен Плакроуз и Джеймса Линдси [4], фактически выполненной в логике традиции «культурных войн». В своей работе они попытались выявить аксиологические и нормативные основания современного социального активизма, под которым авторы понимают достаточно широкий круг социальных феноменов – от общественных движений за гражданские права женщин, расовых и сексуальных меньшинств до «культуры отмены». Одновременно они анализируют логику и процесс интеллектуальной рефлексии борьбы за социальную справедливость в формате постколониальной теории, квинтеории, критической расовой теории, гендерных исследований, эйблизма и т. д. Однако специфичный фокус исследовательского анализа, помещающий постмодернистскую философскую традицию в качестве эпистемологической основы современных «Теорий Социальной Справедливости», выводит постмодернизм за рамки исследования сферы культуры современного общества. В результате происходит подмена эпистемологической проблематики социальной, в результате которой постмодернизм редуцируется к аксиоматичным утверждениям о несуществовании объективной истины, социальном конституировании знания и системном (структурном) угнетении как атрибуте современного общества, посредством языка и знания обеспечивающем культурную нормализацию и институционализацию подавления и дискриминации социальных сообществ по различным признакам. Это позволяет Плакроуз и Линдси откровенно гипертрофированно трактовать как современный социальный активизм, так и его нормативно-аксиологическое и теоретико-методологическое основание в качестве основного источника угрозы цивилизационного развития.

В свою очередь, современный немецкий исследователь Энтони Мюллер усматривает идейную и теоретическую взаимосвязь социальных практик, относящихся к «woke ideology» (но сам термин не использует), с культурным марксизмом как интеллектуальной доминантой американской ака-

демической среды и медиасферы [5]. В качестве его теоретического источника он рассматривает работы Антонио Грамши и некоторых представителей Франкфуртской школы (как представляется, это Макс Хоркхаймер и Герберт Маркузе). Практически в конспирологическом ключе он приписывает сторонникам культурного марксизма стремление к тотальному разрушению христианской культуры и морали, рассматриваемых в качестве конституирующих основ западной цивилизации. Мюллер полагает, что этот шаг необходим для интеллектуальной и нравственной дезориентации индивидов, которые в силу утраты культурных регуляторов быстро превратятся в доступный объект для политического манипулирования со стороны марксистских интеллектуалов. Стратегия установления контроля над сферой культуры посредством морального разложения людей, как считает немецкий исследователь, вытекает из идеологических положений культурного марксизма и является компонентом политической стратегии, направленной на завоевание и удержание власти. С точки зрения Мюллера, в современных условиях медиатизация политики позволяет сторонникам культурного марксизма эффективно манипулировать общественным мнением путем постоянного спекулирования проблематикой социальной справедливости, апелляцией к необходимости защиты жертв системного угнетения. Для этого они имплицитно абсолютизируют принцип политкорректности, тем самым резко сужая пространство для публичной критики, и вводят режим нетолерантного отношения к господствующим институциональным формам политики и идеологии при одновременном распространении принципа толерантности на маргинальные политические практики и идеологические установки [6]. При этом стратегии виктимизации и самовиктимизации фактически превращаются в инструменты конституирования групповых идентичностей, основным критерием существования которых в структуре современного общества является социальная помощь и опека. В современном обществе идентификация индивида в качестве жертвы системного угнетения, по мнению Мюллера, ведет к обретению социального статуса, инклюзии и получению на постоянной основе

социальных благ и финансовых ресурсов в качестве компенсации за реальное или мнимое угнетение. Однако оборотной стороной медали является увеличение объема общественных расходов, непродуктивная социальная политика, кризис идентичностей и моральное разложение общества.

Безусловно, строго в научном смысле «woke ideology» сложно рассматривать как структурированную и целостную идеологическую доктрину, генетически связанную с классическими идеологическими системами (консерватизм, либерализм, коммунизм), с одной стороны, ввиду несистематизированности, смысловой многозначности и противоречивости, декларируемых сторонниками данного движения идей и ценностей, с другой – из-за конспирологического характера основных теорий, проясняющих по мнению сторонников «woke ideology», природу и механизмы социального угнетения меньшинств. Например, феминистские теории зачастую трактуют сексизм и расизм в качестве имманентной характеристики маскулинной версии цивилизации, исторически являющейся продуктом социальной деятельности белых мужчин.

В качестве примера можно привести работы Чанеки Уокер-Барнс, которая специфичным образом смешивает в них примордиалистские трактовки этничности, расово ориентированные феминистские схемы и протестантские теологические построения. В контексте борьбы с расовой и гендерной дискриминацией она разработала конструкт «сильная черная женщина», характеризующий имманентно присущие афроамериканкам в качестве базовых атрибутов личности эмоциональную силу, заботу и независимость [7]. Однако она не только рассматривает эти субъективные характеристики в качестве источника коллективной женской афроамериканской идентичности, но и определяет в качестве как источника проблем в плане физического и эмоционального здоровья, так и основной причины дискриминации их носительниц в американском обществе как в прошлом, так и на современном этапе развития страны. Следует отметить, что в смысловом и логическом плане оппонирующие этой теории идеологические концепции, как, например, достаточно популярная на Западе национа-

листическая ультраправая теория заговора «великого замещения», формируют не менее причудливые картины исторического процесса и жизнедеятельности современного общества.

Вероятно, «woke ideology» представляет собой агрессивную идеологизированную субкультуру «левого» толка, основанную на своеобразных нормах, ценностях и мировоззренческих установках, носители которой достаточно четко выделяются в обществе благодаря специфическому стилю жизни, культурным маркерам и социальному поведению. В политико-дискурсивном аспекте она абсолютизирует индивидуальные права и свободы, релятивизирует коммуитаристские ценности и мировоззренческие установки, фактически редуцирует проблему социального угнетения к невозможности свободного выбора индивидом стиля жизни. Как представляется, на «woke ideology» можно возложить значительную часть ответственности за такие формы «войн памяти» в современном обществе, как переписывание или откровенная фальсификация истории, демонтаж памятников и изменение топонимики (в первую очередь, названий городов, площадей, улиц и т. д.).

Стилистически и аксиологически «woke ideology» связана с т. н. «культурой отмены», которая характеризует общественное явление, когда люди, публично нарушающие моральные нормы, подвергаются общественной критике и остракизму в социальных сетях, медиа и публичных местах со стороны общественности [8]. Содержательно «культура отмены» характеризует совокупность социальных практик, посредством которых на человека, группу, сообщество или организацию со стороны общества или его части оказывается социальное давление с целью их вытеснения из публичного пространства, сферы профессиональной или бизнес-деятельности. Основанием для бойкота или остракизма медийных людей и компаний служат их реальные или мнимые проступки социального характера, которые получили известность посредством Интернета, социальных сетей или медиа, а не совершенные ими преступления, зафиксированные и установленные в качестве таковых в легальном правовом порядке.

В современном западном социально-гуманитарном дискурсе «культура отмены» рассматривается в разных теоретических рамках, которые определяются больше научными интересами и политическими пристрастиями конкретных авторов, чем требованиями научной объективности и методологической корректности. С точки зрения выявления специфики и содержания соответствующих социальных практик наибольший интерес представляют конфликтологическая и политико-дискурсивная трактовки «культуры отмены», выявляющие характерные особенности их реализации в современной социальной действительности.

В рамках конфликтологической трактовки «культуры отмены» акцент сделан на борьбе акторов за материальные и нематериальные ресурсы, которая преимущественно разворачивается в неправовых рамках и нелегальных формах. В утрированном виде типичным в данном случае является утверждение, что современное общество конституировано патриархатными институтами и нормами, находится в постоянной борьбе за власть, ресурсы и возможности между белыми мужчинами-угнетателями и маргинализированными группами (к которым, в первую очередь, относятся женщины). Как выявила Ева Нг, «культура отмены» может быть реализована на практике как снизу (через онлайн-фандомы или социальные сети и социальные медиа), так и сверху, когда она используется политиками для продвижения в обществе определенной идеи или для выражения политической позиции посредством крупных СМИ. Китайский опыт показывает, что в условиях медиатизации политики и урбанизированного общества «культура отмены» используется в качестве действенного инструмента имплицитной политической мобилизации населения. Она рассматривает данный феномен как совокупность практик экономического поведения, которыми официальные власти Китая косвенно управляют через социальные сети и медиа, фактически направляя социальное или политическое недовольство населения против иностранных брендов, производителей или государств [9, с. 101–36].

Следует отметить, что в мировом шоу-бизнесе получила распространение практика целенаправленного распростране-

ния рекламными или арт-агентствами компрометирующей информации об актерах или музыкальных исполнителях, связанных с ними договорными обязательствами. Предполагается, что подобного рода манипуляции позволяют агентствам минимизировать свои финансовые издержки и обеспечивают контроль поведения контрагентов. Однако для экономических и трудовых отношений «культура отмены» представляет серьезную опасность в силу своего значительного деструктивного потенциала. Именно по этой причине сегодня становится актуальной идея о праве частных собственников на создание организационных структур, корпоративного пространства, сфер образовательной, деловой и иной профессиональной деятельности, принципиально свободных от проявлений «культуры отмены». Неудивительно, что речь идет о защите от негативных проявлений и последствий «культуры отмены» не столько работников организаций частной формы собственности, сколько их владельцев [10].

Политико-дискурсивная трактовка «культуры отмены» рассматривает данный феномен с точки зрения культурного сопротивления маргинальных групп структурному насилию, когда проблематично призвать к ответственности представителей элитных групп в силу их привилегированного положения в обществе и больших ресурсных возможностей. Для угнетенных и маргиналов практики «культуры отмены» представляют собой форму асимметричного социального ответа в виде конструирования морализированной новостной повестки дня. С точки зрения Евы Нг, такой ответ стал возможным только благодаря интенсивному развитию информационно-коммуникационных технологий и медиатизации политики в современном мире. Современные ИКТ и медиатехнологии позволяют привлечь внимание общественного мнения к ситуации социальной несправедливости, разрешение которой проблематично правовыми средствами, но возможно политическими инструментами и методами в случае ее перемещения в фокус общественного обсуждения [9, с. 13–37].

Американский политолог Пиппа Норрис предлагает свое понимание «культуры отмены», трактуя этот феномен как инст-

румент идеологической поляризации общества, которое сторонники данной политизированной субкультуры считают имманентно несправедливым и подлежащим принудительному переустройству путем деконструкции поддерживающих угнетение социальных институтов (от семьи до государства). Именно поэтому «культура отмены» является деструктивным фактором, благодаря которому происходит фактическая радикализация политического процесса, а не достижение консенсуса в отношении актуальных социальных проблем и путей их решения [11]. В современном обществе практики «культуры отмены», конституируемые на основе идей цифрового активизма и расширения прав и свобод меньшинств, на некоторое ограниченное время создают ситуацию реконфигурации власти в обществе. Однако консьюмеристский и реактивный характер подобных практик, их персонифицированная направленность на конкретных акторов, гипертрофированная антиколониальная направленность, зависимость от Интернета и медиа позволяют поставить под сомнение их эффективность в плане решения реальных социальных проблем.

В контексте выявления и характеристики потенциального деструктивного потенциала как «woke ideology», так и родственной данному феномену «культуры отмены» для коллективной памяти можно отметить следующие основные моменты.

Во-первых, следует отметить нормативную размытость и определенную спекулятивность практик «woke ideology» и «культуры отмены», посредством артикуляции претендующих на создание современной трактовки моральных норм и нравственных императивов. Они претендуют на нормативное регулирование индивидуального и коллективного поведения, но безотносительно к культурно-исторической детерминации социального поведения, что фактически элиминирует народ как носителя определенной культуры в качестве субъекта из исторического процесса. В социокультурном аспекте можно рассматривать «woke ideology» и «культуру отмены» как инструменты конструирования постмодернистского псевдорелигиозного культа со своими догматическими установками, про- роками и ритуалами. Он находит свое во-

площение в определенном стиле жизни на основе достаточно агрессивного мировоззрения, которое посредством медиа и социальных сетей навязывается меньшинствами остальному человечеству. При этом его сторонники, организованные в достаточно гомогенные группы по критериям общих ценностных ориентаций и стиля жизни, выстраивают такой формат общения онлайн и оффлайн, который строится на логике исключения. С одной стороны, подобная группа устанавливает содержание и границы новой нормы, навязываемой обществу посредством публичного дискурса и коммеморативных практик. С другой стороны, такое сообщество номинирует себя на статус эксклюзивного носителя и защитника этой нормы, в результате чего все остальные по умолчанию становятся нарушителями нового нормативного порядка и общественного спокойствия. Однако в отношении коллективной памяти эпатажный и агрессивный характер «woke ideology» и «культуры отмены» обуславливает их деструктивность, т. к. волюнтаристская нормативная модернизация ставит под сомнение общие воспоминания и коллективные представления, лежащие в основании традиционных моральных норм и определяющие коллективную идентичность.

Во-вторых, социальной базой «woke ideology» и «культуры отмены» в первую очередь являются различные меньшинства, которые посредством реконфигурации пытаются повысить свой социокультурный статус, легитимировать свой стиль жизни и фактически придать ему общепризнанное значение посредством социальных медиа и публичных коммемораций. Зачастую эти публичные коммеморации в формате шествий, карнавалов, так называемых «парадов гордости», фестивалей посредством медиа под видом развлекательных мероприятий навязываются обществу в качестве событий, структурирующих культурную жизнь и репрезентирующих историю народа. Естественно, что их перформативный и эпатажный характер, особенно если они касаются чувствительных для современного общества гендерных, расовых и этнических случаев нарушения прав человека, позволяет привлечь общественное внимание к проблеме. Однако это никак не разрушает реаль-

ные социально-экономические механизмы, которые порождают и устойчиво воспроизводят системное угнетение, но и устойчиво создает аберрации коллективной памяти.

В-третьих, представляет интерес практика создания сторонниками «woke ideology» и «культуры отмены» устойчивой сети межличностных отношений, конструируемой на основе общности нормативно-ценностных регулятивов деятельности и самооценности эмоционального отношения к ней. Эта сеть может быть создана как в реальном мире, так и в социальных сетях и медиа. Для достижения определенной степени однородности формируемого сообщества используется селективный механизм, с помощью которого идеологически, политически и психологически чуждые сообществу индивиды дискриминируются и не допускаются в его социальные границы и коммуникативные сети. В политическом аспекте подобная коммуникативная сеть сторонников «woke ideology» и «культуры отмены», в которой циркулируют значимые для них культурные смыслы, групповые стереотипы и специфичные коллективные воспоминания, формирует социокультурное основание для коллективной идентичности. Последнюю посредством гражданских инициатив, деятельности общественных движений, электоральных механизмов и процедур постоянно пытаются конвертировать в компонент общенациональной политической повестки или даже непосредственно в политическую власть.

Однако необходимо признать, что следствием экспансии «woke ideology» и «культуры отмены» в экономическую, политическую и культурную сферы современного общества становится инициирование опасных для его развития процессов. Во-первых, трансформируется сфера публичной коммуникации от открытого пространства, в котором априори возможно комплексное и критическое обсуждение проблемных процессов и явлений, в сторону установления иерархических отношений между акторами. В результате они формируют закрытое коммуникативное пространство, где проблематичным становится выявление и адекватная оценка социальных проблем, а политическая коммуникация приобретает императивный, догматический и манипуля-

тивный характер. Во-вторых, формируется механизм редуцирования, благодаря которому на авансцену выводятся специфичные коллективные установки и стереотипы сторонников «woke ideology» и «культуры отмены», социетальная значимость которых базируется только на коллективных воспоминаниях и оценках приверженцев этих субкультур. В результате представления в общественном мнении о сложных социально-политических и экономических процессах существенно упрощаются, а оценка параметров и результатов данных процессов переводится исключительно в моральную плоскость. В итоге нравственная позиция индивида и моральное обоснование его социальной деятельности становятся важнее организации и результатов этой деятельности в экономическом, политическом или культурном аспектах. В-третьих, стигматизация публичных акторов создает социальное давление не только на конкретных творческих деятелей, представителей сферы медиа или бизнеса, но и на элитные группы в целом. В результате элита с целью защиты собственных корпоративных позиций и интересов мобилизует ресурсы, которые направляются на решение конъюнктурных ситуаций общественного развития, а не реальных социальных проблем.

Заключение

Итак, «woke ideology» представляет собой сложный феномен, который в аспекте интеллектуального генезиса связан с определенными направлениями современной западной философской мысли, а в социальном ракурсе является продуктом глобализации. Социальные практики и дискурсы «woke ideology» в современном обществе оказывают негативное влияние на коллективную память, хаотизируя отношения между прошлым и настоящим, делая их конфликтными и идеологически ангажированными. В результате вместо борьбы с реальными причинами и факторами социального угнетения и достижения социальной эмансипации для представителей дискриминируемых сообществ, что в качестве политического приоритета декларируется адептами «woke ideology», а в социальном пространстве создаются новые идеологические основания и механизмы дискриминации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Олик, Д. К. Коллективная память: две культуры / Д. К. Олик // *Ист. экспертиза*. – 2018. – № 4 (17). – С. 22–49.
2. Олик, Д. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии / Д. Олик // *Социол. обозрение*. – 2012. – Т. 11, № 1. – С. 40–74.
3. Линд, М. Вторая «эра Джаза» в США [Электронный ресурс] / М. Линд // *Fitzroy Magazine*. – 2021. – Режим доступа: <https://fitzroymag.com/obshchestvo/woke-inc/>. – Дата доступа: 21.08.2022.
4. Плакроуз, Х. Циничные теории. Как все стали спорить о расе, гендере и идентичности и что в этом плохого / Х. Плакроуз, Д. Линдси ; пер. с англ. Д. Виноградова. – М. : Individuum, 2021. – 384 с.
5. Mueller, A. P. Is Cultural Marxism America's New Mainline Ideology? [Electronic resource] / A. P. Mueller // *Mises Institute*. – Mode of access: <https://mises.org/wire/cultural-marxism-americas-new-mainline-ideology>. – Date of access: 15.08.2022.
6. Wolff, R. P. *A Critique of Pure Tolerance* / R. P. Wolff, B. Moore Jr., H. Marcuse. – Boston : Beacon Press, 1965. – 117 p.
7. Walker-Barnes, Ch. *Too Heavy a Yoke: Black Women and the Burden of Strength* / Ch. Walker-Barnes. – Eugene : Wipf and Stock Publishers, 2014. – 234 p.
8. Saint-Louis, H. Understanding cancel culture: Normative and unequal sanctioning [Electronic resource] / H. Saint-Louis // *First Monday*. – 2021. – Vol. 26. – Mode of access: <https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/download/10891/10177>. – Date of access: 05.08.2022.
9. Ng, E. *Cancel Culture. A Critical Analysis* / E. Ng. – London : Palgrave Macmillan, 2022. – 153 p.
10. Bagus, P. Cancel Culture, Safe Spaces, and Academic Freedom: A Private Property Rights Perspective [Electronic resource] / P. Bagus, F. Daumann, F. Follert // *SSRN Electronic Journal*. – 2022. – July 4. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/362009420_Cancel_Culture_Safe_Spaces_and_Academic_Freedom_A_Private_Property_Rights_Perspective. – Date of access: 15.07.2022.
11. Norris, P. Cancel Culture: Myth or Reality? [Electronic resource] / P. Norris // *Political Studies*. – 2021. – August 11. – Mode of access: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/003232-17211037023>. – Date of access: 19.07.2022.

REFERENCES

1. Olik, D. K. *Kolliektivnaja pamiat'*: dvie kultury / D. K. Olik // *Ist. ekspiertiza*. – 2018. – № 4 (17). – S. 22–49.
2. Olik, D. *Figuracii pamiatii*: processo-rieliacionnaja mietodologija, illiustracii na primierie Giermanii / D. Olik // *Sociol. obozrienije*. – 2012. – T. 11, № 1. – S. 40–74.
3. Lind, M. *Vtoraja «era Dzhaza» v SShA* [Eliiektronnyj riesurs] / M. Lind // *Fitzroy Magazine*. – 2021. – Riezhim dostupa: <https://fitzroymag.com/obshchestvo/woke-inc/>. – Data dostupa: 21.08.2022.
4. Plakrouz, H. *Synichnyje teoriii*. Kak vsie stali sporit' o rasie, gienderie i identichnosti i chto v etom plokhogo / H. Plakrouz, D. Linds ; pier. s angl. D. Vinogradova. – M. : Individuum, 2021. – 384 s.
5. Mueller, A. P. *Is Cultural Marxism America's New Mainline Ideology?* [Electronic resource] / A. P. Mueller // *Mises Institute*. – Mode of access: <https://mises.org/wire/cultural-marxism-americas-new-mainline-ideology>. – Date of access: 15.08.2022.
6. Wolff, R. P. *A Critique of Pure Tolerance* / R. P. Wolff, B. Moore Jr., H. Marcuse. – Boston : Beacon Press, 1965. – 117 p.
7. Walker-Barnes, Ch. *Too Heavy a Yoke: Black Women and the Burden of Strength* / Ch. Walker-Barnes. – Eugene : Wipf and Stock Publishers, 2014. – 234 p.
8. Saint-Louis, H. *Understanding cancel culture: Normative and unequal sanctioning* [Electronic resource] / H. Saint-Louis // *First Monday*. – 2021. – Vol. 26. – Mode of access: <https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/download/10891/10177>. – Date of access: 05.08.2022.
9. Ng, E. *Cancel Culture. A Critical Analysis* / E. Ng. – London : Palgrave Macmillan, 2022. – 153 p.

10. Bagus, P. Cancel Culture, Safe Spaces, and Academic Freedom: A Private Property Rights Perspective [Electronic resource] / P. Bagus, F. Daumann, F. Follert // SSRN Electronic Journal. – 2022. – July 4. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/362009420_Cancel_Culture_Safe_Spaces_and_Academic_Freedom_A_Private_Property_Rights_Perspective. – Date of access: 15.07.2022.

11. Norris, P. Cancel Culture: Myth or Reality? [Electronic resource] / P. Norris // Political Studies. – 2021. – August 11. – Mode of access: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/003232-17211037023>. – Date of access: 19.07.2022.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 09.02.2023